

зывают, что песнопение распето на шестой глас, минорный по своей музыкальной окраске. Близость к речитативу делает это песнопение очень простым и безыскусным. Крайняя простота напева, который невольно должен был вспомнить зритель-современник, читающий надпись, резко контрастирует с изощренно щегольским видом героя, а общая минорная окраска противоположна тем музыкальным ассоциациям, которые вызывал у зрителя вид трубы. Музыкальные образы входили как составная часть в систему выразительных средств произведения наряду с изображением и текстом стиха.

Произведение Василия Кондакова можно определить как религиозно-демократическую реакцию на новшества, появившиеся в жизни правящего класса в переходный период. В русской культуре XVII в. большое внимание уделялось внешности человека. Достаточно вспомнить интерес протопопа Аввакума к внешности, костюму, прическе, проблеме бритья и т. д.²⁰ Однако по сравнению со старообрядческой культурой, в этом вопросе радикальной и резко осудительной, рисунок Василия Кондакова исполнен скорее тревоги за человека и мягкого назидания. Это настроение было несомненно более консервативным и более соответствовало духу традиционного христианства, чем «браню да лаю» протопопа Аввакума. Наш рисунок не единственный случай использования «покаянных на осмь гласов» в «изображенном слове».²¹ Однако изображение здесь находится в ином отношении с текстом «покаянна», чем в других известных случаях. «Трубач» без надписи просто непонятен. Реальные впечатления действительности рассматриваются здесь сквозь призму литературно-музыкального произведения, которое привлекло художника созвучностью с его собственными настроениями. Литературное произведение, организующее отношение зрителя к изображенному, становилось «ассоциативно-звучащим словом», оно «пело», рисунок же, исполненный с редкой для своего времени приближенностью к натуре, — ибо здесь изображался человек в знакомом зрителю костюме, со знакомыми «повадками и ухватками», — «жил», узнавался как отражение части окружавшей русского человека XVII в. действительности.

²⁰ А. Н. Р о б и н с о н. Идеология и внешность. Взгляды протопопа Аввакума на изобразительное искусство. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1966, с. 353—381.

²¹ В. Н. С е р г е е в. Духовный стих «Плач Адама» на иконе. — ТОДРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1971 с. 280—286; Т. Ф. В л а д ы ш е в с к а я, В. Н. С е р г е е в. Покаянный стих «Зрю тя, гробе...» в литературе, живописи и музыке XVII в. — В кн.: Древнерусское искусство XV—XVII вв. (в печати).